
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2014 г. В. И. Коннов

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии МГИМО (У) МИД России, Москва;
e-mail: VIKonnov@yandex.ru*

Рассматриваются специфические черты российского научного сообщества, отличающие его от аналогичных сообществ других стран и позволяющие ввести категорию национальной научно-исследовательской культуры. Анализируется внутренняя структура этой категории, включающая ценности и практики, которые организуются на уровнях мировой научной культуры, национальной, гуманитарной или естественно-научной, организационной культуры конкретного НИИ, университета и т.п. Ставится вопрос о психологической детерминации научно-исследовательской культуры, в рамках которой в качестве оказывающих влияние элементов выделяются профессиональные практики, установки и ценности, при этом акцент делается на ценностной составляющей. Предлагается стратегия исследования научной культуры через анализ переломных исторических моментов, определяющих фундаментальный пересмотр научно-исследовательской практики.

Ключевые слова: научно-исследовательская культура, психология науки, национальные особенности научной деятельности.

В психологической науке исследования культуры, как правило, подразумевают либо изучение различных характеристик, свойственных целым народам, либо изучение особенностей деятельности и отношений, принятых в той или иной организации. В первом случае говорят о национальных культурах, во втором – об организационных. Заметно реже встречаются исследования, направленные на определение отличительных характеристик групп, выходящих за рамки отдельно взятых организаций, но при этом уместающихся внутри национальных границ. Причины такого распределения внимания исследователей могут быть связаны с тем, что влияние культуры сильнее тогда, когда сфера ее действия связана с формальными границами, такими как национальная принадлежность или правовые отношения с определенной корпорацией. Что же касается групп, расположенных между этими двумя уровнями и обладающих собственными культурными особенностями, то среди них психологи выделяют для изучения главным образом этносы, религиозные конфессии и профессиональные сообщества.

Изучение этносов теснейшим образом связано с национальной психологией, однако очевидно,

что национальные и этнические границы не всегда совпадают. Главный критерий, который используется при отграничении этноса, – это идентификация с ним, для которой не всегда достаточно простой декларации. Развивавший этническую психологию в России Г. Шпет отмечал: «Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже “переменить” народ, войти в состав и дух другого народа, однако опять – не “произвольно”, а путем долгого и упорного труда пересоздания детерминирующего его духовного уклада» [9, с. 153].

Аналогичным образом выделяются религии – они могут являться частью национальных или этнических культур, располагаться внутри разделяющих эти культуры границ или же перекрывать их. Главным критерием принадлежности к религии также является активная идентификация с ней индивида, и, по мнению голландского психолога Я. Белцена, именно эта деятельная приверженность создает религию как особую культуру: “Так же, как не может быть личного языка, не существует и личной религиозности: когда она формируется, воссоздается по заданному образцу или возобновляется, то это всегда происходит путем (повторяющегося) принятия на себя обязательств исполнять определенные договоренности, конвенции и соглашения” [12, с. 63].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-06-00688).

Анализ профессиональной деятельности, в свою очередь, стоит ближе к исследованию организационных культур. При этом, с одной стороны, принадлежность к конкретной профессиональной группе может зависеть от членства в определенной организации, как это происходит, например, с адвокатской практикой, которой могут заниматься только лица, состоящие в профессиональной ассоциации. В данном случае профессиональное сообщество можно отграничить на основе данного формального признака. С другой стороны, в качестве главного критерия профессии принимается возмездность труда, по определению Э.Ф. Зеера: “Профессия – социально ценная область приложения физических и духовных сил человека, позволяющая ему получать взамен затраченного труда необходимые средства для существования и развития” [3, с. 14].

Среди этих изучаемых психологией групп особым образом выделяется научное сообщество. Статус ученого, как правило, является важной составляющей идентичности его обладателя, иногда сопоставимой по влиянию с национальностью. Существует традиция, противопоставляющая национальную принадлежность приверженности науке. Это проявляется в выделении какого-либо языка в качестве международного “научного” – в разное время таковыми были латинский и немецкий, теперь же эту роль выполняет английский. Также это выражается в самопрезентации ученых как граждан мира, в представлениях о “невидимых колледжах” как группах специалистов из разных стран, находящихся в более тесных отношениях с членами этого объединения, чем со своими соотечественниками. Подобное противопоставление трудно найти в других профессиях, к тому же научное сообщество не является профессиональной группой в строгом смысле этого слова. Оно объединяет представителей сильно различающихся между собой специальностей, прежде всего, “естественников” и “гуманитариев”, несовпадение взглядов которых широко известно в обыденном знании. Специфичным является и подход к профессиональной практике: ученый может считать себя таковым, не имея отношения ни к какой организации или профессиональной ассоциации, не занимаясь своим делом на платной основе, но при этом обеспечить себе признание со стороны сообщества, публикуя результаты своих исследований. В современных условиях такая ситуация является скорее исключением из общего правила, и вряд ли возможна, к примеру, в физике высоких энергий с ее масштабными экспериментами, однако, для математика она вполне может стать реальностью.

Если научное сообщество – это особым образом отграниченная группа людей, обладающая специфическими традициями, то можно *предположить*, что она обладает и особой культурой.

Целью проведенного исследования является анализ особенностей развития науки в России с помощью категории “национальная научно-исследовательская культура”. Данной цели подчинены задачи: рассмотрение социально-психологического содержания базового понятия “культура” и возможности его использовать для описания характерных черт национального научного сообщества, а также определения внутренней структуры данной категории и выявления ее связей с другими понятиями, используемыми в психологии и социологии для характеристики ученых как представителей особого сообщества: “ценности”, “дискурс”, “этнос” и “социальные роли”.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ “КУЛЬТУРА”

Наибольшим влиянием в области культурной психологии в настоящее время пользуются работы Г. Хофстеде, определившего культуру как программное обеспечение психики. Популярность этого метафорического по своей сути определения объясняется общедоступностью представлений о разнице между системным оборудованием (*hardware*), от которого зависят неизменные параметры компьютера, и загружаемыми в его память различными программами (*software*). К этому представлению близко определение культуры отечественного культуролога Ю.М. Лотмана, который использует этот термин для обозначения “совокупности всей ненаследственной информации” [4, с. 398].

При этом Хофстеде подчеркивает, что “мы не можем непосредственно наблюдать психические программы. Все, что нам доступно, – это поведение: слова и поступки. Вывод о существовании устойчивой программы мы можем сделать только из наблюдений за поведением” [15, с. 2]. Элементы культуры, выражаемые “словом и делом” и, таким образом, доступные наблюдению, – это ценности и практики. Последние представляют собой устойчивые способы адаптации к окружающей среде и социальному окружению. С точки зрения нацеленности практик, они могут быть общими для самых различных культур, что предопределяется существованием универсальных задач, которые приходится решать всем человеческим обществам. Например, американские ученые А. Инкельс и Д. Левинсон выделили четыре фундаментальные функции,

которые призвана выполнять любая культура: регулирование властных отношений, построение отношений индивида и общества, определение представлений о мужественности–женственности и разрешение конфликтов [17]. В то же время межкультурные различия проявляются в формах, которые придают практикам устойчивость, – по Хофстеде, к ним относятся символы, герои и ритуалы. “Символы – это слова, жесты, изображения и предметы, которые в определенных случаях имеют особый смысл, доступный только носителям культуры”. “Герои – лица, живущие или уже умершие, реальные или воображаемые, которые обладают чертами, высоко ценимыми данной культурой, и поведенческие модели которых являются образцом для подражания”. “Ритуалы – коллективная деятельность, которая не является необходимой с точки зрения техники достижения желанных целей, но которая считается социально необходимой и в силу этого под влиянием коллективных норм исполняется индивидом” [15, с. 10].

Ценности, по мнению автора, это предпочтения, которые относятся к тому или иному состоянию дел, причем, речь идет об отношении к целым категориям, охватывающим широкие спектры различных ситуаций – например, выбор в пользу такой ценности, как “качество жизни”, может проявляться во всем, что касается личного комфорта, отдыха, свободного выбора занятий, и одновременно препятствовать реализации “успешности”, охватывающей такие предметы, как рост доходов, приобретение властных полномочий, различные формы социального признания – должности, звания, вступление в престижные сообщества, и т.д. Если же речь идет о более конкретных приоритетах, то, как правило, говорят об установках или убеждениях [15, с. 5]. При этом система ценностей индивида или группы не всегда является внутренне согласованной. Как отмечает Хофстеде, “очень важно различать ценности как выражение *желанного* и как выражение *желательного*, то есть то, чего люди на самом деле хотят, и то, чего, как они считают, им следует хотеть” [16, с. 12]. Очевидно, что между этими двумя частями культуры нередко существуют противоречия, и первая чаще реализуется в “делах”, в то время как последняя – на “словах”.

Также Хофстеде разделяет три основных уровня культуры: универсальный, коллективный и индивидуальный. Первый – это общечеловеческая культура, последний – культура отдельно взятого человека со всеми особенностями его воспитания, образования, карьеры и т.д. [16, с. 6].

КУЛЬТУРА НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Рассматривая практики и ценности культуры научного сообщества, можно отнести ее к коллективному уровню, но внутри нее содержится многоуровневая система. При этом, наличие в этой системе выраженного международного слоя не исключает существование национальной науки той или иной страны. Одним из основных параметров различия между национальными научными культурами является разное соотношение и разные принципы разделения социогуманитарных и естественных наук; внутри научного сообщества любой страны всегда представлены две культуры – гуманитарная и естественно-научная. В свою очередь, каждая из них подразделяется на различные дисциплины и, наконец, поскольку наука существует главным образом в рамках специализированных организаций, в рамках каждой из дисциплин также возникают различные организационные культуры.

Носителем всех этих уровней культуры всегда является отдельно взятый ученый, который может одновременно осознавать себя и представителем всемирного сообщества людей науки, и гражданином конкретной страны, “гуманитарием” или “естественником”, специалистом по конкретной дисциплине, и, как правило, сотрудником определенной научной организации. Таким образом, многоаспектность научной культуры является отражением сложности науки как рода деятельности.

Проблема сочетания различных аспектов идентичности ученого рассматривается в работах отечественного психолога науки М.Г. Ярошевского, который считал, что индивидуальный исследователь неизбежно оказывается подверженным влиянию мировой научной культуры, однако его связь со своей нацией сохраняется или даже усиливается благодаря влиянию научных школ. Эти школы объединяет нечто большее, чем просто общий исследовательский интерес участников: “В действительности эту систему создают люди, возвращенные на почву определенной национальной культуры. Они впитывают богатства этой исторически сложившейся культуры, ее самобытные социально детерминированные традиции. И это вовсе не безразлично для направленности и стиля их мышления при открытии, выборе и решении строго научных проблем. За каждым выбором и решением стоит не абстрактный индивид с его общим для всех аппаратом переработки информации, а личность, в творчестве которой с различной степенью остроты скон-

центрированы нужды и боли своего народа” [10, с. 117].

Сходным образом рассуждают современные немецкие психологи Б. Шефер и Б. Шлёдер: описывая процесс формирования международных научных стандартов, так называемого “научного мейнстрима”, они указывают на то, что “новые методы должны быть соотнесены с предметами, основаниями и перспективами соответствующей национально обусловленной научной культуры”, а их успех “зависит от принятия в рамках соответствующего культурного контекста” [8, с. 93].

Однако в дальнейшем, на базе национальных научных школ и за счет привлеченных ими ресурсов возникают международные “невидимые колледжи”, которые формируются вокруг знаний и методов, имеющих общее содержание для представителей разных национальностей, в то время как культурно-специфические элементы из их оборота вытесняются. В рамках таких колледжей складываются парадигмы, для которых характерен выраженный наднациональный характер, они составляют ключевой элемент профессиональной подготовки ученого и в результате становятся частью его внутреннего мира.

Описывая, как парадигма вписывается в психику индивидуального исследователя, Ярошевский вводит понятие “надсознательного”. Противопоставляя его понятию “бессознательное”, он поясняет: «... с термином “бессознательное” история философско-психологической мысли соединила множество ассоциаций, мешающих отграничить то, что было испытано индивидом, но в данный момент им не осознается, от того, что им создается соответственно объективным требованиям логики науки. Явления второго порядка мы предпочитаем называть не бессознательными или подсознательными, а надсознательными, поскольку скрытый от умственного взора субъекта мир категориального развития научных ценностей представляет не подспудные, безличностные “глубины”, а “вершины” человеческой психики» [11, с. 217]. Здесь располагаются разделяемые сообществом, но не всегда полностью осознаваемые схемы, которые получают наполнение за счет личного опыта научной работы. В принципе, в этой же плоскости вполне могут лежать не только методические установки, но и ценности. К такому выводу подталкивает и концепция постнеклассической науки, которая признает, что ценностная ориентация субъекта познания может оказывать прямое влияние на его исследовательскую деятельность.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ КАК ОСОБЫЕ КУЛЬТУРЫ

Внутри национальных научных сообществ существует разделение на гуманитарные и естественно-научные дисциплины. В Великобритании факт этого раскола был зафиксирован в широко известной лекции Ч. Сноу “Две культуры”, прочитанной в 1959 г. в Кембридже. Ч. Сноу – химик и одновременно успешный писатель – противопоставляет две интеллектуальные профессии, в наиболее чистом виде выражающие специфику двух культур: “Литературные интеллектуалы на одном полюсе, а на другом – ученые, прежде всего, физики, выступающие наиболее последовательными представителями науки” [21, с. 4]. Ключевым различием между ними он считает временную ориентацию: интеллектуалы ориентированы главным образом на прошлое, что порой приводит к выходящей за рамки разумности критике настоящего, физики – на будущее, увлечение которым нередко выставляет их наивными мечтателями. Между этими двумя группами располагается весь спектр интеллектуальных дисциплин. При этом Сноу остается в рамках характерного для Великобритании понимания, что гуманитарный спектр составляют философия, история, филология и искусствоведение, собственно науками не являющиеся, в отличие от психологии и социологии, представители которых, хотя и делят с гуманитариями общее поле интересов, с методологической точки зрения все же относятся к ученым [21].

В Германии идеи о принципиальных отличиях гуманитарных и естественных наук получили наиболее детализированную проработку в неокантианской философской традиции. В частности, В. Виндельбанд разделял науки по целям познания: науки о природе отличаются номотетическим мышлением, отыскивающим общие законы, для наук о культуре характерно идиографическое мышление, нацеленное на изучение уникальных, специфических случаев. При этом Виндельбанд акцентирует внимание на взаимодополняемости и равноправии этих двух подходов [1]. Г. Рикерт, в свою очередь, пишет о генерализирующих и индивидуализирующих науках [7].

В СССР 1960-х гг. проблема непонимания между сторонниками двух подходов выразилась в известном разделении интеллигенции на “физиков” и “лириков”. Дискуссии велись вокруг общественной функциональности двух видов деятельности: первые обвиняли вторых в непрактичности и оторванности от реальности, те же отвечали упреками в технократизме и пренебрежении гу-

манистическими идеалами. При этом представители таких наук, как психология и социология, оказались на линии этого раскола.

В США 1990-х гг. непонимание между двумя культурами вылилось в так называемые “научные войны”. В печати разгорелись споры об обоснованности применения постмодернистских методов исследования, популярных среди гуманитариев, к исследовательской деятельности в области естественных наук [2, с. 164–169].

Как особые культуры могут рассматриваться и отдельные научные дисциплины, содержание которых во многом определяется комбинацией методов, практикуемых ее представителями. Так, немецкий социолог К. Кнор-Сетина предлагает характеризовать дисциплины как “эпистемические культуры”, и определяет их как “сочетания договоренностей и механизмов, связанных между собой сходством, необходимостью и историческими совпадениями, которые применительно к каждой отдельной отрасли предопределяют, *как мы узнаем то, что мы знаем*” [18, с. 1]. Эти “договоренности и механизмы” составляют практики, используемые в разных науках. Несмотря на то, что все они преследуют цель получить достоверное знание, продвижение к этой цели идет сильно различающимися путями. Так, чрезвычайно разнообразное содержание может приобретать общее для всех наук понятие “эксперимент”. В социологии, как правило, речь идет о максимально приближенном к действительности воспроизведении исследуемого явления, например, судебного заседания, коммерческих переговоров, совместной работы преподавателя и учащихся и т.д. В биологии чаще реконструируются лишь отдельные процессы, которые в естественной среде невозможно наблюдать в отрыве от сопутствующих им явлений. В физике же эксперимент может быть нацелен исключительно на измерение некоторых сигналов, которые свидетельствуют о явлениях, лишь предполагаемых учеными и в принципе недоступных непосредственному наблюдению. Практики же организации столь различных по своему содержанию экспериментов могут делать деятельность ученых в одной дисциплине предельно непохожей на их деятельность в другой.

ФОРМАЛЬНАЯ И НЕФОРМАЛЬНАЯ НАУЧНЫЕ КУЛЬТУРЫ

Однако помимо явных междисциплинарных различий, существует также менее очевидное несовпадение формальной (декларируемой) и неформальной (противоречащей декларируемой

и нередко преобладающей в практике) научной культуры. Ценностная составляющая была описана Р. Мертоном в виде “этоса науки”, включающего четыре основных императива: универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм [6, с. 767–781]. Однако в поздний период своего творчества – в 1970-е – 1980-е гг. – он склонялся к мнению о том, что императивы – это скорее некоторые идеалы, которые далеко не всегда соблюдаются. Реальная же научная деятельность регулируется более противоречивыми требованиями, между которыми ученый вынужден балансировать [19].

Идея о противоречивости социального регулирования науки получила развитие у А. Митрофа, который предложил 11 пар противоречащих друг другу норм: универсализм–партикуляризм, индивидуализм – социальная сплоченность, бескорыстие – личная заинтересованность и др. [20, с. 79]. По мнению Митрофа, объективность научного результата обеспечивается не соблюдением социальных норм при его получении, а одинаковым восприятием этого результата всеми “нормальными” учеными. Нормальность же зависит не от соответствия поведения определенному набору правил, а от способности сохранять душевное равновесие, балансируя между противоречивыми требованиями. Другим важным аспектом подхода Митрофа было то, что он считал неоправданным решение Мертона описывать императивы этоса науки как нормы, внешние по отношению к ученому. Для Митрофа императивы – это скорее личностные установки. В пользу этой точки зрения говорило и то, что Мертон вывел императивы на основе анализа высказываний выдающихся ученых, то есть фактически речь шла о декларируемых установках людей, преуспевших в науке. То, что нормы не соблюдаются, – не следствие несовершенства механизмов общественного контроля, а психологическая проблема, связанная с неопределенностью влияния установок личности на ее поведение.

К проблеме внутренней противоречивости регулирования научно-исследовательской деятельности обращались также и английские социологи Н. Гильберт и М. Малкей. Анализируя дискурс ученых, занятых в одном из направлений биохимии – биоэнергетике, Гильберт и Малкей обнаружили, что он явным образом распадается на два типа описаний или, в их терминологии, на два объяснительных репертуара: “... когда ученые пишут статьи об экспериментальных исследованиях, они придают их результатам смысл, связывая их с последовательными отчетами о совершенных социальных действиях и об убеждениях; отчеты

о действиях и убеждениях, представленные в формализованной исследовательской литературе задействуют лишь один из репертуаров описания социальной деятельности, используемых учеными в неформальных условиях; формальные отчеты выдержаны в рамках эмпирического истолкования научной деятельности; помимо этого эмпирического репертуара, существует альтернативный интерпретативный ресурс, который мы назвали ситуативным репертуаром; этот последний, как правило, исключается из сферы формализованного дискурса; и существование этих формально несовместимых репертуаров позволяет нам понять систематически возникающие несоответствия в дискурсе ученых” [14, с. 40]. Эмпирический репертуар практически безраздельно доминирует в научной литературе и регулируется такими требованиями этоса науки, как универсализм, предписывающий рассматривать научные результаты в отрыве от личности их автора, и коллективизм, признающий любой результат общим достоянием всего научного сообщества. В рамках данного репертуара экспериментальные результаты представляются так, будто у получившего их ученого не было никаких предварительных предположений или интеллектуальных предубеждений в пользу того или иного исхода эксперимента. Результаты зачастую описываются таким образом, что создается впечатление об их полной зависимости от применяемых методик и независимости от того, кто их получил. В научных публикациях преобладают безличные обороты или используется множественное местоимение “мы”, которое указывает не только на авторов, но и на читателя, и может рассматриваться как обозначение всего научного сообщества в целом.

В описаниях, используемых учеными в неформальных разговорах о своей работе, большее внимание уделяется, во-первых, спекулятивным построениям, которые выдвигаются учеными и которые в дальнейшем способны определять как содержание их исследований, так и толкование получаемых ими результатов, а, во-вторых, уникальным навыкам, межличностным связям и вопросам влияния, которым обладают отдельные ученые или научные коллективы. Все эти моменты, прямо сказывающиеся на ходе исследовательской работы, заставляют ученых следовать совершенно иному набору ценностей, нежели тот, которые диктуется этосом, а значительное место среди применяемых им практик занимают способы превращения подлинной истории научного исследования в его эмпиристскую трактовку, предназначенную для публикации. При этом “ситуативный” набор ценностей и практик всплы-

вает вовсе не только в доверительных интервью. Как отмечают Гильберт и Малкей, хотя данный репертуар и исключается из печати, он дает о себе знать на научных мероприятиях, в том числе, в публичных выступлениях, и фактически преобладает в неформальных обсуждениях. Более того, несоответствие двух репертуаров часто становится предметом научного юмора, как, например, в ироничной реплике одного из респондентов Гильберта и Малкея: “В отрасли есть очень сильные ученые, которые пытаются истолковать все в рамках своих теорий. Конечно же, это те – другие ребята, а не мы. Мы-то все толкуем выверенно и взвешенно (общий смех). Это все другие, это они так делают” [14, с. 174].

Разница между этосом и реальным поведением, нормами и антинормами, эмпирическим и ситуативным репертуарами может объясняться в рамках различий между желательными и желанными ценностями по Хофстеде. В первом случае речь идет о представлениях ученых о том, что должно происходить в науке, во втором – о тех ориентирах, которыми они реально руководствуются в своей деятельности, осознавая возникающее несоответствие, но не занимая при этом циничную позицию. Поведение вразрез с нормами чаще трактуется как вынужденное и оправдывается несовершенством устройства науки.

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ УЧЕНОГО И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Ценности, относящиеся к обоим “репертуарам”, реализуются в ходе исполнения учеными своей профессиональной роли, распадающейся, по мнению Мертон, на четыре главные составляющие, преобладающие на том или ином этапе научной карьеры: исследователь, преподаватель, администратор и “привратник” (эксперт). Мертон подчеркивает, что в подавляющем большинстве случаев статус ученого не определяется одной ролью, а представляет некоторую ролевую комбинацию. Соотношения в ней не являются постоянными и могут изменяться.

Центральное место занимает роль исследователя, так как именно ее исполнение обеспечивает приток новых идей. Мертон пишет: “Если бы не было научных исследований, не было бы и новых данных, которые стоило передавать в ходе исполнения роли преподавателя, не было бы необходимости распределять ресурсы и выполнять административные функции и не было бы потока новых знаний, который призваны регулировать привратники” [19, с. 520]. Соответ-

ственно, исследователи пользуются наибольшим уважением в научном сообществе, хоть это и не всегда отражается в распределении полномочий и ресурсов. К их практикам следует отнести не только непосредственно методы научной работы, в наибольшей степени независимые от особенностей национальной культуры, но и подходы к выбору исследовательских тем и их обоснованию, схемы, используемые при информировании коллег о результатах своей работы, – при написании статей, выступлении на конференциях, участии в полемике, принятые в сообществе правила цитирования, формирования круга обязательных к упоминанию авторов, выражения благодарности и т.п. В данном случае существование национальных особенностей предопределено речевыми практиками, естественным образом зависящими от того, к какому языку они относятся.

С особенностями владения языком также связано и исполнение роли преподавателя, которая реализуется не только в ходе участия ученого в образовательном процессе, но и в отношениях учитель – ученик в научной работе. В сотрудничестве с аспирантами, ассистентами, младшими научными сотрудниками старший исследователь способствует их обучению не путем прямого инструктирования, как на лекциях, а являет собой пример для подражания и корректирует работу “учеников”. В этой области могут проявляться особенности национальной культуры, связанные с таким выделенным Хофстеде параметром, как дистанция к власти. Сравнивая образовательные системы стран с низким показателем по этому измерению (в частности, англоязычные и скандинавские страны) и стран с высоким (страны Юго-Восточной Азии, Восточной Европы), он отмечает, что в последних «образовательный процесс в высокой степени персонализирован, особенно в области специализированных предметов, преподаваемых в университете; с точки зрения общественного восприятия здесь осуществляется передача не безличной “истины”, а личной “мудрости” учителя» [16, с. 69]. При низком же показателе дистанции к власти «образовательный процесс, скорее, обезличен, в нем передаются “истины” и “факты”, существующие независимо от данного учителя» [16, с. 70].

В наибольшей степени уровень дистанции к власти сказывается на административной роли, к которой ученый может обращаться как эпизодически, участвуя в ученых советах, комитетах и т.п., так и на постоянной основе – путем замещения директорских, деканских и других должностей. Замечание Р. Мертона о том, что с

точки зрения научной карьеры переход с исследовательской работы на административную может восприниматься как шаг вниз, характерен, скорее, странам с низким уровнем дистанции к власти: в этих культурах считается, что привилегированный статус в одном виде деятельности не должен распространяться на другие сферы, и, более того, ожидается, что если человек добился высокого положения на каком-то одном направлении, он уже не сможет показать столь же высокие результаты на других. Соответственно, ученый, перешедший с исследовательской работы на административную, рассматривается как удалившийся от ключевой для науки роли, и такой переход может расцениваться как, в некотором смысле, понижение. В культурах же с высоким уровнем дистанции власти от лица, занимающего властное положение, ожидаются успехи на всех направлениях, и переход успешного ученого на руководящую должность воспринимается как логичное развитие карьеры, не умаляющее его статуса как исследователя, в то время как от администратора ожидается в том числе и научно-исследовательская компетенция, подтвержденная учеными степенями, публикациями, членством в научных обществах и т.д.

С административной ролью тесно связана роль “привратника”, однако в данном случае речь идет об управлении на основе соображений, связанных исключительно с продвижением научного знания, а не с административно-хозяйственной логикой. Влияние “привратников” проявляется в следующих аспектах научной деятельности: во-первых, оценивая перспективность претендентов на научные должности, они определяют приток, мобильность и распределение научных кадров; во-вторых, редакторы и рецензенты научных журналов решают вопрос о возможности публикации статей, монографий и т.д., и в этом смысле формируют систему знаний; в-третьих, эксперты принимают решения о предоставлении различных видов финансирования: премий, стипендий, грантов и др. Именно в последнем случае влияние национальной культуры может проявиться с наибольшей отчетливостью: оценивая ту или иную заявку, эксперт сталкивается с необходимостью рассматривать не результаты, а лишь планы научных коллективов, и неизбежный в этом случае недостаток информации подталкивает эксперта к тому, чтобы восполнить его за счет своего “культурного багажа”. Если вновь обратиться к примеру дистанции к власти, то в культурах с высоким показателем особое влияние в этом случае будет иметь формальный статус заявителя: его степени и звания могут рассматри-

ваться не только как признание бывших заслуг, но и как своего рода гарантия того, что он способен получить выдающиеся результаты в будущем.

Можно заметить, что ценности влияют одновременно на все составляющие роли ученого, в то время как каждая из них включает свой отдельный комплекс практик. При этом последние являются элементом в наибольшей степени доступным стороннему наблюдению, что упрощает их исследование. Однако подход, основанный на сравнении практик, характерных для различных культур и выявлении их связей с экономическими, политическими и другими внешними по отношению к культуре факторами, который широко используется в социологии, не является достаточным с точки зрения объяснения их устойчивости при существенном изменении социальной среды. Факт этой устойчивости можно рассматривать как указание на то, что социальные практики являются психологически детерминированными, причем в качестве детерминант могут рассматриваться как их психологические репрезентации (по Хофстеде, это символы, герои и ритуалы), так и связанные с ними ценности. Конечно же, этот взгляд не следует принимать как единственно возможный путь объяснения, однако с точки зрения психологии он может признаваться основным. Данная позиция выражается А.В. Юревичем: «Не задаваясь вопросом о том, какое из представлений об основном векторе детерминации в системе человек–общество более “правильное”, а тем более “единственно правильное”, напоминающим вопрос о первичности яйца или курицы и особенно нелепым в постнеклассической науке, все же следует отметить, что каждая социогуманитарная дисциплина выстраивает в этой системе иерархическую вертикаль, а вертикаль, характерная для психологии, оборачивает традиционные представления о базисе и надстройке. Согласно иерархии реальных, доминирующей в психологической науке, базисом является психология человека, а надстройкой – происходящее в обществе, что эквивалентно отнесению психологии к “базисным”, а не “надстроечным” социогуманитарным дисциплинам» [5, с. 15–16].

В соответствии с этой точкой зрения, можно выдвинуть гипотезу о том, что практики научного сообщества складываются под влиянием ценностей, разделяемых его представителями, которые формируют их, находясь в зоне действия одновременно двух ценностных систем – мировой науки и национальной культуры, сливающихся в ходе процесса профессиональной подготовки в одну – национальную научно-исследовательскую культуру. При этом ценностный элемент этой культуры

оказывается более устойчивым, по сравнению с наполняющими культуру практиками. Материал, на котором возможно проверить это предположение, – история двух масштабных реорганизаций российского общества, произошедших в XX веке: Октябрьская революция 1917 года и смена формации 1991 года. Преобразования сопровождались мощными движениями по вытеснению старых научно-исследовательских практик новыми, которые, однако же, не приводили к полному видоизменению российского научного сообщества. Так, символом этой устойчивости является Российская академия наук, которая в обоих случаях становилась главной целью сторонников радикальных реформ: в 1917 г. – как сообщество “классово чуждых” специалистов, не готовых воспринять новый порядок, в 1991 г. – как институт, не способный перейти на рыночные рельсы. Но, несмотря на политическое давление, Академия сохраняла основные принципы своей организации и свою роль главного центра научной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом подобных примеров культуру можно рассматривать как систему практик и ценностей, имеющую общие черты с личностной системой “установки – поведение”. Изменения, протекающие внутри этой системы, объясняются в рамках концепции когнитивного диссонанса. Под влиянием внешних причин поведение вполне может расходиться с установками, однако в дальнейшем это влечет за собой либо изменение установок, либо поиск объяснений проблемным действиям, которые позволяют восстановить видимость последовательного поведения. По аналогии можно рассматривать и привнесение в общество новых практик, расходящихся с ценностями культуры, которые заставляют либо изменить эти ценности, либо осознать совершенные действия как вынужденные или ошибочные, сохранив при этом ценности.

Как отмечает психолог культуры Д. Коэн, более продуктивными, чем поспешные попытки связывать психологические и социокультурные феномены причинно-следственными отношениями, могут быть детализированные характеристики ситуаций, в которых наблюдаются исследуемые феномены [11]. Накопление такого описательного материала может служить выдвижению обоснованных гипотез о взаимосвязях между, например, определенными ценностями исследуемой культуры, с одной стороны, и устойчивостью или же, наоборот, отторжением определенных практик, с другой.

Важными направлениями изучения российской научно-исследовательской культуры, на наш взгляд, могут выступать сопоставление практик научно-исследовательского сообщества до и после переломных моментов российской истории XX в., определение социально-психологических характеристик отечественной науки, практик и ценностей, способствующих ее устойчивости. Предложенная схема культуры, предполагающая выделение ее формальной и неформальной составляющих, также может использоваться в сравнительных исследованиях, нацеленных на сопоставление российских и зарубежных практик научной деятельности, и в целом сыграть важную роль в выявлении особенностей отечественной науки и их оценке, которая позволила бы установить, в какой мере они затрудняют успешное развитие, а в какой, напротив, способны служить основой новых достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виндельбанд В. История и естествознание. М., 1901.
2. Додельцев Р.Ф., Коннов В.И. Краткая история философии науки. М.: Проспект, 2011.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М.: Академический проект, 2003.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010.
5. Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Издательство "Институт психологии РАН", 2009.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.
8. Шефер Б., Шлёдер Б. Интернациональность и национальное своеобразие науки // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 90–94.
9. Шнем Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб.: П.Э.Т., 1996.
10. Ярошевский М.Г. Параметры личности исследователя // В кн.: Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. М.: Флинта, 1998. С. 196–226.
11. Ярошевский М.Г. Школы в науке // В кн.: Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. М.: Флинта, 1998. С. 105–118.
12. Belzen J. Towards cultural psychology of religion. New York: Springer, 2010.
13. Cohen D. Methods in cultural psychology // Handbook of cultural psychology / Eds. S. Kitayama, D. Cohen. New York: The Guilford Press, 2007. P. 196–236.
14. Gilbert G.N., Mulvey M. Opening Pandora's box. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
15. Hofstede G. Culture's consequences. London: Sage, 2001.
16. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind. New York: McGraw-Hill, 2010.
17. Inkeles A. National character: a psycho-social perspective. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997.
18. Knorr Cetina K. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
19. Merton R. The sociology of science. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.
20. Mitroff I. The subjective side of science. Seaside: Intersystems Publications, 1983.
21. Snow C.P. Two cultures and the scientific revolution. New York: Cambridge University Press, 1961.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL GROUNDS OF NATIONAL SCIENTIFIC-RESEARCH CULTURE

V. I. Konnov

PhD, assistant professor, philosophy chair, MGIMO (U) MFA of Russia, Moscow

Specific features of Russian scientific community that distinguish it from analogous ones in other countries and make it possible to introduce a category of national scientific-research culture are considered. Inner structure of this category including values and practices that are organized at the levels of world's scientific culture, national, humanitarian or natural-science, organizational cultures of concrete research institutes, universities etc. are analyzed. The question about psychological determination of scientific-research culture with a value component as the leading is put. Strategy for scientific culture study via analysis of crucial historic points, determining fundamental revision of scientific-research practices is proposed.

Key words: scientific-research culture, psychology of science, national peculiarities of scientific activity.